

ОБЪЯСНИТЕЛЬНОЕ СЛОВО К «СУФИЙНОЙ МУДРОСТИ»

В.П.Никитин

Те, кому дорога память <об> А<лексее> М<ихайловиче> Ремизове, кто ценит его творческое наследство, всё что обрисовывает его литературный облик, будут признательны Н.В.Резниковой за её чисто дочернее усердие, проявленное для посмертного издания книги, содержащей между прочим и «Суфийную мудрость», о чем он говорил с ней всего за несколько дней до кончины.

А.М. имел в виду моё предисловие о суфийстве, чем вызваны настоящие строки. Я считаю нелишним высказаться в них о нашем общем интересе к Востоку. Мои замечания облегчат, может быть, впоследствии задачу литературоведов, когда они встретятся с восточными отзвуками в сочинениях и архиве А.М.

Хотя он там никогда не бывал, А.М., не боюсь ошибиться, один из редких русских писателей, чувствовавших и любивших Восток. Стоило лишь посмотреть на него самого, на черты его лица, на тюрбетейку, чтобы понять его влечение к московской, полуазиатской Руси. Отсюда и близость А.М. к евразийству, отвечавшему ему тем же. Его упоминания о происхождении матери, крестьянки из села Батыево. Моё толкование его фамилии от арабского слова «ремз», т.е. «тайна» — было приятно А.М. Он ведь не то тибетский лама одного из его рассказов, не то суфийский старец-шейх. Таким признал его приведенный мною к А.М. мой тегеранский друг, писатель Санатí Задé, поцеловавший руку смутившемуся А.М. Есть фотография, где мы сняты втроем.

Впервые прозвучавшая в русской художественной прозе «Суфийная мудрость» сообщалась ему мною на основании исследования современного персидского мыслителя Хасана Казем Заде Ираншехра, за исключением замечательного коротенького рассказа о «Хромой мошке», заимствованного мною из «жития» суфийского шейха в Ардебиле Софи-эд-Дина, родоначальника династии сефевидов (XIII-XVIII вв.) в Персии, под заглавием «Сафват-ос-Сафа́» («чистота чистот», т.е. чистейшая чистота, сочинение XIV века). «Суфийная мудрость» не исчерпывает содержание наших с А.М. восточни-

ческих бесед и занятий. Мы читали «Повесть о Семи Мудрецах», восходящую к индийскому оригиналу, изучавшуюся специалистами Срезневским, Веселовским, Буслаевым. Знакомились с «Калилой и Димной» в издании широко известного арабиста И.Ю.Крачковского. А.М. извлек из этих басен повесть «Стефанит и Ихнелат» (по славянской, через Византию, версии) и сказку о черепахе и утках (персидская версия — «Анвар-и-Сохэйли»). А.М. очень ценил восточную образность в этой сказке.

В тихой заводи две утки подружились с черепахой. Когда вода стала иссякать, утки собрались улететь. Черепаха взмолилась. Утки взяли её с собой, она уцепилась ртом за палку, подхваченную ими. Но вопреки условию — рта не раскрывать, не удержалась, увидев людей, удивлявшихся внизу, раскрыла рот (чтобы объяснить им), упала и разбилась. В арабских касыдах поэтов Шанфара (доисламского периода) и Мутаннабия (X век) образы ещё красочнее и сильнее. Дыхание аравийской пустыни, бедуины-фарисы, междоусобия.

В переписке Москвы с Крымом (XV-XVI века) мы любовались сочным русским языком, не искаженным позднейшей неметчиной. А.М. не мог с нею примириться. Хотели прочесть странствия Косьмы Индикоплова, путешествие Федора Котова в Персию, но, увы, это намерение не осуществилось. Зато я бережно храню «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, подарок А.М.

Я не успел ознакомить А.М. с главными персидскими поэтами-суфиями (Низами, 1141-1203; Фарид-эд-Дин Аттар, 1119-1220), хотя среди его бумаг находится, вероятно, мой перевод знаменитой пантеистической поэмы Джеляль-эд-Дина Руми (1207-1273) «Кто я?» и стихотворение современного поэта Мухаммада Икбала из Лахора. Оно очень понравилось А.М. и было изменено им по-русски.* К 70-летию А.М. я поднес ему несколько четверостиший Омара Хайяма (ум. в 1123 г.) в персидском начертании, с переводом. Джемаль Заде, мой другой друг, прекрасный писатель, прислал А.М. к его 80-летию стихи из «Гулистана» Саади (1184-1291). А.М. в своё время, по моей просьбе, послал Джемаль Заде «La Maison Bourkov»,** за что тот его очень благодарил по-французски.

Перейду, однако, к суфийству (или суфизму?), о чем тут главным образом речь. С моей стороны было бы ошибкой отпугнуть читателя нагромождением восточных имен и выражений. Ограничусь необходимым. Термин суфи, т.е. «сермяжник» (суфии ходили в рубище), появился около половины VIII в. в Сирии, где тогда был основан первый мусульманский монастырь. Это слово обозначало правоверного монаха-мусульманина, соблюдающего сунну (традиции; изречения первых халифов), умерщвляющего

* Мой дословный перевод: «Долина мистической любви, далекая и долгая. Но столетний путь свершается иногда в одно мгновение. Продолжай стараться и не выпускай из рук полы надежды. В конце пути иногда обретишь богатство».

** «Бурков двор» (франц.) — под таким названием вышла во французском переводе повесть Ремизова «Крестовые сестры» (прим. — Н.Г.).

плоть. Как все религиозные движения, суфизм проходит через ряд этапов в его развитии. Хасан Басрийский (642-728) являлся действительным основателем исламского монашества. Участие женщин вносит в мистицизм необходимый элемент любви (Рабийя, современница Хасана, ум. в 753 г.). Передвигаясь на Восток, суфизм, на персидской почве, приобретает некоторый оттенок ереси. Персы, обращенные в ислам силою меча, никогда не переставали чувствовать связи с Индией, с буддизмом. Так или иначе, к началу X в. мы видим в суфизме три течения: 1) суфий — правоверный мусульманин-аскет (Бишр Босоногий, ум. в 841 г., и др.); 2) аскет-мистик (Зун-Нун и др.); 3) сознательный пантеист (аль-Бистами, казнен в 873 г.; Халлядж, казнен в 912 г., и др.). В течение X в. суфизм развивается в двух основных направлениях: 1) западном, арабском (правоверные мистики-деисты); 2) восточном, индо-персидском (мистики-пантеисты). Это различие ощущается до наших дней, но все же мистицизм служит связующим звеном. Важнейшие дервишеские ордена возникли в период XII-XIV вв. (Кадирийе, Разаийе, Мевлеви, Шазели, Накшбэнди и др.).

Теология восточного суфизма — обыкновенное пантеистическое представление о Боге: он есть во всем, он содержится в мире и мир в нем. Мир есть эманация божества и имеет лишь призрачное существование («майя»). Его разнообразие — обман чувств. Мир един, как едино божество. Оно разлито в мире в виде божественной Души («психе» неоплатоников), и в человеке есть её часть. Высшее счастье человека — отрешиться от своего «я», погрузиться в созерцание божества (таухид), расплыться в нем (фэна) и воссоединиться с ним (иттихад). Для достижения этого идеала суфии должны пройти четыре последовательные стадии (маназил): шариат — закон; тарикат — путь (в нем самое существование — выбрать старца-шейха, сделаться его послушником-мюридом — и под его руководством убивать <свою> волю и личность, не рассуждая о приказах шейха, углубляясь в себя, размышляя о божестве), и, наконец, путем экстаза (халь) суфий доходит до третьей стадии — маарифат (познание), суфий становится ариф'ом (познает единство вселенной в Боге, призрачность мира, равенство религий, добра и зла). До четвертой стадии — хакикат (истина) — удается дойти лишь немногим: созерцание Божества, пребывание между бытием и небытием.

Читатель не посетует на меня за эти подробности, когда узнает, что А.М. считал необходимым во всех вопросах по возможности «доходить до точки» (см. его работу о Св.Николае). Не забудем, что у нас, в России, Шамиль воевал во главе своих послушников — мюридов, что царствующий теперь в Ливии эмир Мохаммед Идрис Сенусси является главой ордена его имени, что в Турции запрещенное дервишество ушло в подполье, что в Персии мы с ним сталкиваемся на каждом шагу и т.д.

10.2.<19>58

А.М.Ремизов

СУФИЙНАЯ МУДРОСТЬ

Из-под овечьей шерсти

1. Грешник — пьяница — дитя — женщина

Хасан Басри (642-728), месопотамский араб-суфи (в рубище овечьей шерсти), наставник взыскующих правоверных, рассказывает о своих памятных встречах. Четыре лица запечатлелось в его глазах: грешник, пьяница, дитя, женщина.

* * *

Однажды, проходя по улице, я встретил известного по всей Басре мошенника, на лице которого жалобы припечатали: «негодяй». И я обличил его. Весь он подергиваясь, выслушал меня и спокойно сказал:

— Праведный шейх, ты проколол мою душу. Твои глаза видят сквозь паутину моих уловок, а что ты скажешь о моём конце? И скажи мне, чем ты сам кончишь? Как знать, какой-нибудь случай повернет — и я раскаюсь и угожу в праведники святые, а ты при своей святости, тоже случай, ткнешься носом в грязь?

* * *

Переходя улицу, я наткнулся на пьяного человека — ничком в грязь. Жадно лакал лужу.

— Подымысь, — окрикнул я, — твердо стань на ноги, чтобы снова не ковырнуться.

— Святой шейх, я поднялся, — отбулькнув, добродушно лепетал пьяный человек, — я умоюсь ... на рожу воды хватит. Я поднялся ... А вот ты, если ткнешься, с тобой упадут тысячи.

* * *

В окне дома я заметил: мальчик играл с зажженной свечой.

— Откуда взялся свет? — спросил я.

Мальчик, лукаво перемигнув, задул свечу.
— А ты мне скажи, куда ушел свет?

* * *

Раздумывая о бедном круге нашего знания, я продолжал путь.
Меня остановила женщина.
Я поражен бы её красотой, плечи её были обнажены. Путаясь в словах, она принялась жаловаться на мужа.
— Сперва покрой лицо, — перебил я.
Резко она ответила:
— Что мне до покрывала? Я встретила одного человека, полюбила его и только его одного вижу неотступно перед собой, его глаза светятся в моих. А ты кичишься: «Возлюби Господа Бога» — и шаришь по моему лицу.

2. Негр

Хасан Басри достиг высокого смирения, и всякий, кого встречал он или думал о ком, казался ему выше его. И со всеми он говорил кротко.

Шел он по берегу Тигра и невольно остановился. На берегу сидел негр с женщиной в обнимку, а перед ними красовался кувшин. Они пили и григотали.

И, глядя на негра и его бабу, Хасан сказал себе: «И эти выше меня». Но голос из подножия его души перебил голос вершинный: «Разве? Да ты посмотри на бабу, неужели и она выше тебя?»

По реке плыла лодка. То ли наткнулась на камень, то ли ещё с чего вдруг опрокинулась, и кто в ней был, пошли ко дну.

Негр это увидел и, не раздумывая, бросился в реку спасать. И вытащил на берег шесть человек, а всего было семь.

— Праведный шейх, — обратился он к Хасану, — у меня нет больше сил. Ты сильнее меня, спаси седьмого.

Но Хасан оставался неподвижен. Беспомощно он озирался. Опрокинутая лодка погрузилась в реку.

— Всесильный шейх, — произнес негр, — знай же, — и он показал на кувшин, — не вино, мы пили чистую воду, источник нашей жизни, а это — моя мать.

Шейх упал ему в ноги:

— Воистину, ты мой наставник, ты спас утопавших, спаси и меня!
И благослови.

— Ты прозрел! — сказал негр и неумело благословил его «во имя»
Бога милосердного и милостивого.

* * *

С той поры никакой соблазн не был властен отуманить его глаза.
Хасан достиг совершенного смирения и набросившейся на него собаке,
не отстраняясь, он сказал:

— Брат мой.

И в голосе прозвучало такое необъемлемое — близость, пес,
поджав хвост, конфузливо пошел прочь.

3. Рабийя

В дни Хасана Басри славилась в народе суфия, зовут Рабийей, и
Хасан отличал её среди суфистов: он говорил о ней, как о источнике
своего вдохновения.

* * *

Раз в неделю Хасан проповедовал в мечети. Входя на мимбар, он
всматривался — и если Рабийи нет, покидал кафедру без слова.

Когда его спросили, почему так, он ответил:

— Разве я могу насытить муравьев напитком, приготовленным для
слона?

Проповедь Хасана дышала живым словом, слова наливались пламе-
нем и падали на сердца слушателей.

И однажды в ударе он пронял и самых тугих и, окончив речь,
указывая на Рабийю, воскликнул:

— Ты! Под покрывалом! Искры твоего сердца одушевляли моё
слово, ты — огонь моей речи.

* * *

Как-то в вечерний час Рабийя покинула город и поднялась на гору.
Для Хасана ничего тут особенного. Но на этот раз он удивился, что
Рабийя не одна, а в кругу зверей: олени, серны, газели.

Хасан задумал проверить и стал подыматься в гору. Звери один за другим стали расходиться.

В чём дело? — Рабийя одна: ни рогов, ни копыт.

— Ты что сегодня ел? — спросила Рабийя.

— Курдюк с луком.

— Так чего же ты удивляешься? Ты распугнул моих гостей: человека можно провести, а зверь и из-под луку учует своё мясо.

* * *

Рабийя, проходя мимо дома Хасана, почувствовала: на её голову упали две тяжелые капли.

«Начинается дождь», — подумала Рабийя. А подняв голову, посмотрела, — у окна сидит Хасан — глаза его наливались слезами.

— Удержи эти слёзы в себе, — сказала она. — Там их уже целое море, в этом море ты ищешь своё сердце, а не находишь. Но тот, кто воистину любит Господа, не находит и не найдёт своего сердца — оно у Бога всемогущего, возлюбленного.

Тяжко ударили эти слова по Хасану, и ему нечего было ответить.

На новолетие Хасан получил от Рабийи подарок: свечу, иглу и волосок.

Хасан читает:

«Ты озаришь весь мир, как свеча, стань чист и наг, как иголка, не украшайся, и ты украсишь других. И ты подымешься на такую высоту совершенства, как будто ты каждым своим волосом тысячу лет послужил Господу Богу».

Когда Хасан попросил Рабийю быть его женой, Рабийя сказала:

— Для брака надо двух, а из нас — ты один, я ничто, принадлежу одному Богу и подчиняюсь его воле.

— Как достигла ты этого?

— Как все, что я постигаю, погружается в Бога.

— Как же ты знаешь Бога?

— О Хасан, я его знаю без «как».

4. Хромой толкачик

Из книги «Сафват-ос-Сафа» («Несравненная Чистота»). Житие Сафи-эд-Дина из города Ардебиля (1252-1334) — родоначальника персидской династии Сефевидов.

Рассказывает факир Мухаммед Сэднэки, последователь шейха.

— В ту же ночь мне приснился сон. Пробуждение было тягостно. Стало светать, и я пошел к шейху. Но пробраться было никак, у дверей большая очередь: ученики, каждый со своим сном. Все они пришли раньше меня — я постоял и покорно вернулся домой.

В тяготу неразгаданной ночи вошла печаль неудачи.

Поднялось солнце, и лучи заглянули мне в окно.

В жари света выплясывали мошки — никаким счётом не счесть и не остановить толкучей волны их танца.

Вдруг, смотрю, в дверях стоит шейх и, скользнув по жаркой, кипящей жизнью волне, выхватил и положил мне на ладонь живую пылинку света.

— Хромой толкачик! — сказал он.

Но в моих глазах мелькали тысячи мошек, неразличимых моему глазу.

— И в толпе ожидавших меня, — сказал шейх, — я различил тебя и пришел растолковать сон и утешить.

Сказание о Шейхе Баязиде

Баязид Бистами, персидский шейх-суфи X века из Бистама. При жизни был 12 раз изгнан из города — и каждый раз шейх, покидая город, говорил: «О, как высок город, в котором Баязид — еретик». А теперь нет человека в Бистаме, кто не почтил бы гробницу шейха. По словам Джунейда-суфи, Баязид занимает среди суфиев то же место, что среди архангелов — архангел Гавриил. Баязид достиг состояния «аль-фэна-фи-Алла» — исчезновения в Боге, слияния с Ним. Это высшая ступень исламской мистики, соответствует Нирване браминов Индии. Шейх Абу Саид Аб-уль Хеир, XI века, из Мехне сказал о Баязиде: «Я вижу восемнадцать тысяч миров, наполненных Баязидом, но самого Баязида я не вижу: он вошел в Бога».

1. Отмеченный

«Ты всегда был особенный — на других детей не похож. Ещё когда я тебя ждала, — вспоминала мать Баязида, — ты и тогда не безразличен был ко мне; съешь, бывало, чего без охоты или пожадничал».

ещь: было б другому отдать — всегда ты переворачивался во мне и я принимала за укор».

* * *

Когда Баязид начал ходить в школу, однажды он слышит из Корана: «Будь благодарен Мне и твоим родителям». И было сказано, как должно почитать и любить Бога и родителей. Баязид дома сказал матери:

«Я узнал сегодня, что должен служить Богу и тебе. Но как мне разделить своё сердце — служить Богу и тебе? Испроси у Бога, чтобы он оставил меня тебе, или вручи меня Богу, чтобы я служил Ему одному».

Мать слышит такие слова, и точно что осенило её: «Сын мой, отдаю тебя Богу. Ступай и служи Ему».

Баязид покинул мать и ушёл в Сирию и провёл 30 лет в аскезе — поднимаясь по лестнице совершенства. Он повстречал за это время сто тринадцать старцев-суфиев, служил им и многому научился.

2. Праведная увертка

В год паломничества Баязида в Медину, святой город, на могилу Пророка, толпа паломников задумала сопровождать его, принимая это как особую благодать. А ему хотелось быть одному и не ставить себя между людьми и Богом, чтобы не почитали его, а только Бога.

Наутро он обратился с проповедью и неожиданно возгласил: «Воистину, Аз есмь Аллах, несть Бога, кроме Меня, да поклонитесь Мне».

«Свихнулся — ум за разум — спутал!» — кому что на язык. Паломники отступили, а ему только того и надо. Они приняли за чистую монету, невдомёк было, что Баязид произнёс слова Аллаха.

3. Неведение

Рассказывают: Баязид, отправляясь в Медину, погрузил свои пожитки на молодого верблюда. Ему говорят: «Жестоко так мучить животное: нешто верблюжонку вынести на себе такую тяжесть?»

Баязид ничего не ответил, но когда упрёк повторился, сказал: «Эту ношу несёт не верблюжонок, — посмотрите поближе».

Посмотрели и видят. Что же увидали? Груз на длину руки держался над горбом верблюда.

«Что за чудеса?»

Баязид сказал: «Открыть правду о себе — не поверите; открыть вам тайну — не поймёте её. Не придумая, как мне и быть с вами».

4. Самоотречение

Когда Баязид возвратился на родину из своего паломничества, всё население города вышло ему навстречу — оказать торжественный приём. Но он почувствовал: такая встреча-возношение отклонит его от Бога.

Толпа окружила его и приставала к нему. Он вынул из кармана хлеб и принялся уписывать его демонстративно, а был этот месяц постный — рамадан, и никто не ест от восхода и до самого заката солнца — когда белой нитки не отличить от черной.

Дерзкий поступок Баязида навёл на мысль: конечно, он обратился в неверного — «кафира». И все отошли от него, порицая. Он остался один и только под вечер пошёл домой, где в слезах ждала его мать.

5. Откровение

«Только теперь я понял, — сказал Баязид, — служение, которое я считал последним, было самым верным из всех служений: обрадовать мать. Всё, что я искал в пути совершенства, я нашёл в одну ночь у моей матери. Как-то среди ночи, зимой, моя мать покликнула меня и попросила глоток воды. Я поднялся и пошёл на кухню за водой, но в стакане воды не оказалось. Я за кувшин, и в кувшине ничего. Я вышел на улицу и принёс от источника. Когда вернулся, мать спала. И я стоял со стаканом в руке, пока мать не проснулась. Она пригубила и помолилась за меня. Тогда глаза мои прозрели».

6. В пламени

Чтобы соединиться с Богом, двенадцать лет я, как кузнец, раскалял мою душу в печи порыва к отречению. Я положил порыв на наковальню порицания и ковал молотом уединения, пока не сделал его, как зеркало. И пять лет я полировал зеркало эликсиром молитвы, размышляя и служа, а потом целый год, дивясь, я рассматривал себя в этом отполированном зеркале. И тогда я увидел, какая оковывает меня

цепь самодовольства, гордыни и превозношения. И ещё пять лет я трудился, пока не порвал эту цепь: я понял, что до тех пор я не был настоящим правоверный. Я начал вглядываться в моё начисто вылощенное зеркало. В нём отражался весь мир. И узрел, что все люди мертвы. Я прочёл над ними отходную. И в это мгновение я стал свободен от мира и от людей и по благодати достиг спокойного единения с Богом.

* * *

Баязид покинул свой город ради паломничества в Мекку, но скоро вернулся.

— Что случилось? Ты нарушил обет?

— А вот как: когда я был в дороге, предстал мне вооруженный воин с обнаженным мечом в руке и сказал: «Вернись домой, или тебе голову снесу. Чего ты оставил Бога в твоём городе Бистаме и ищешь его в Мекке, ровно б можно его обрести только и только там!»

7. Не выдержал

Баязид чувствовал себя в «накате» — задумал прогуляться на кладбище, там всегда тихо. Кое-где среди могильных камней сидели старики и кротко вспоминали. Откуда ни возьмись — весёлый мальчик, да ещё и дернул. Он упивался святой игрой на арфе. Увидя шейха, его бедность и его печаль, ему захотелось развлечь его. Весь мир зазвучал игрой на его арфе. И даже когда музыкант чувствовал, какие вылетали звуковые безобразия, его ещё пуще веселило, лицо его расходилось до ушей — улыбка раздирала губы. Он подскочил и, семена перед шейхом, развертывал своё искусство. Баязид долго терпел, остановился и решительно произнёс — слышно сквозь арфу:

— Прекрати!

Музыкант впал в раж и с последними звуками арфы треснул шейха по башке, и арфа — на куски.

На следующий день потерпевший от «изувера» получил деньги на покупку новой арфы и сладостей — рахат-лукум, халва и фисташки к чаю, и письмо: Баязид просит простить — не выдержал.

Музыканту стало не по себе. После чего, сейчас же, немедленно отправился в дом к шейху сказать спасибо. И сделался одним из самых верных учеников Баязида.

8. Легкомыслие

Спросили Баязида, кто был его главный учитель.

— Одна старуха, — сказал Баязид. — Однажды, в высшем восхищении я вышел в поле. Встретилась мне старуха и просит донести до города куль муки, а в моём состоянии я не мог нести. Я взмахнул рукой — и появился лев. Я положил ему на гриву старухину муку и сказал: «Неси в город». Потом я спросил старуху: «Как ты думаешь, кто я, и что расскажешь в городе?»

Отвечала старуха: «А скажу я, что встретился мне жестокий и легкомысленный человек».

«Откуда мне сие?»

Она мне сказала: «Подумай-ка, лев создан Богом свободным, а ты его принудил таскать муку, и это жестоко. Кроме того, ты хочешь показать жителям города твои чудеса. Разве это не легкомыслие?»

Так я и узнал от старухиной муковки свою слабость и грех — низвергся и притих.

9. Собака открыла глаза

Случилось Баязиду на узкой дороге встретить толпу юношей. Откуда-то выбежала собака. Баязид посторонился. Кто-то из толпы спросил его: почему он, царь суфиев, попятился перед собакой? — Ведь Бог вознес человека выше всех тварей.

Баязид ответил: «Эта собака сказала мне: “О Баязид, в первотворении мы не одно ли и то же? И чем я виновата, что Бог покрыл меня собачьей шкурой, и в чём твоя заслуга, что Бог короновал тебя царским венцом?” — Эти слова побудили меня дать собаке пройти вперёд».

* * *

Другой раз, во время прогулки, к Баязиду привязалась собака, вся в грязи. Баязид подобрал полу своего плаща — не запачкаться.

Но собака заговорила: «О шейх, если я запачкаю твою одежду, тебе достаточно кувшина воды — вымыть, но нечистоту твоего сердца не смоет вода и семи морей!»

Баязид сказал: «И вправду — ты грязнуля, а я — разве душа моя чиста? Давай, будем друзьями, и из двух нечистых не получится ли чистое?»

А собака сказала, — она говорит по-своему, на собачьем, а Баязид перевел на персидский: «Собака не любит с тобой водиться. Собаку гонят в три шеи, а тебе всюду — «здравствуйте», «пожалуйста». О какой тут дружбе, я — собака. Какие у меня запасы — сухарик на обед и на ужин — воспоминание, а у тебя — целый мешок пшеницы. Нет, нам с тобой не рука».

И воскликнул Баязид от всей души: «О Господи, собака считает меня недостойным её сопровождать, откуда мне надеяться быть сопровождаемым Тобою!»

И возблагодарил Бога, что вразумил его через собаку.

Зун-Нун Суфий Египетский

Родина Зун-Нуна — Египет. Имя одного из самых громких среди суфиев X века: Басри месопотамский, Баязид персидский, Зун-Нун египетский. При жизни шла о нем слава: колдун. И удивлялись его образу жизни, все не по-людски, навыворот и наоборот. Жил в одиночестве и скрытно.

1. Обращение. Подвижник

Есть что-то глубоко оскорбительное для человеческой души: законы природы. Одни времена года чего стоят, а непрерывное моё «хочу»? Какое рабство, безвыходно...

Рано я это почувствовал и тогда же сказал себе: своё рабское «хочу» — не хочу.

Мне говорят: трудное это дело и не всякому на руку. И указали дорогу: живет праведник. Долго искал я подвижника и нашёл. Вижу: привязал себя человек к дереву и висит вниз головой.

— О моё тело, я буду терзать тебя, пока ты не станешь мне послушным. Я стану свободным, когда заглушу в себе твой голос: «хочу».

Меня поразила решимость этого человека, он услышал моё удивление.

— Кто это? — спросил он, — кого я мог тронуть — моё раскаяние при бесчисленных моих пороках?

— Мир тебе, — сказал я и подошёл поближе, — объясни мне твой подвиг.

— Моё тело не повинуется моей воле — страждет, а кто даёт страданию овладеть душой, душа того теряет силу сопротивляться соблазну.

Ответ подвижника и другие мои встречи открыли мне путь, но я ещё не постиг: «Кто предался воле Божьей, о том Бог печется».

2. Слепая птица

Однажды раздумывая: как возможно Богу заниматься делами твари? — я увидел на дереве птицу, глаза её никуда не глядели — слепая. Кто, — подумал я, — накормит и напоит её, слепую?

А птица слетела наземь, копается клювом — подковырнула зерно, червяков прихватила и снова поднялась на дерево — на старое место.

Слепая птица открыла мне глаза и укрепила мою веру. Так совершилось моё обращение.

3. Целитель

Бродил я как-то в горах и вижу: у входа в пещеру толпа. Мне говорят: в пещере живёт святой, раз в год выходит он к народу и дуновением своим и взглядом исцеляет больных. Нынче этот день. Я стал в отдалении и жду. И вот вышел из пещеры человек: маленький, худущий, впалые глаза, но такие — от взгляда душа содрогается.

Ласково он посмотрел на больных. Поднял глаза к небу и потом подул на страждущих — и все исцелились: слабонogie подпрыгнули, слепые, опустив руки, без поводыря пошли по дороге, немые громко затараторили — глухим не по ушам, затыкай пальцами, и бесноватые — тише воды, ниже травы.

Увидев все это, я бросился к святому, схватил его за полу: «Ради Бога, ты исцелил телесные немощи — исцели мою душу!»

Святой остановился, взглянул на меня и сказал: «Зун-Нун, дай мне уйти, Бог смотрит на нас. И когда Он увидит: ты умоляешь меня вместо Него, Он оставит тебя мне, а меня тебе, и мы оба тогда пропадем».

Сказал и ушел в пещеру.

4. Кольцо

Человек — животное всезнающее, и чем меньше знает, тем больше прыти судить и все охаять, и не от дурна, а от дури.

К примеру — Хасан, добряк, но какую ерунду он рассказывает о суфиях!...

Зун-Нун позвал его к себе: «Вот тебе кольцо, и что тебе за него дадут — то твоё».

Болтун взял кольцо и пошёл на базар и скоро идёт назад:

«Нате, — говорит, — ваше кольцо, ни одного динара за него не дают: и золото не золотое, и камень — цветное стёклышко».

«А ты ступай к ювелирам — что разумные скажут?»

Хасан пошёл и скоро вернулся: «Тысячу динаров мне дали за твоё кольцо».

«Твои слова, твоя болтовня о суфиях — то же, что мнение базара: торговцы не хотели дать и динара, а ювелир, без всяких, по одному взгляду предложил тысячу динаров».

Юноше стало очень стыдно, и он оставил всезнайство.

5. Колдовство

Меня обвинили перед халифом Аль-Мутавакилем в колдовстве.

И вели к нему в оковах, а был знойный день. Вижу — водоноша. Я попросил напиться, и он мне налил полный стакан. Но когда мой спутник хотел заплатить ему — водоноша сказал:

«Ты арестован, в кандалах, и на чужбине, как же я могу взять с тебя плату?»

С тех пор я понял и стал различать совесть.

В Багдаде меня ввели во двор халифа; я был поражен роскошью — толпы слуг, меня охватила тоска, и я потерялся.

Ко мне подошла старая служанка:

«Ты — брренное тело, чего ты боишься? — сказала она, — ведь и ты, и тот, перед кем тебя поставили, — вы оба рабы Божьи. И, если не воля Божья, что может сделать раб другому рабу?»

Зун-Нуна ввергли в темницу. И спустя сорок дней он был приведен перед халифом Аль-Мутавакилем — дать ответ в своём колдовстве.

Зун-Нун так изложил учение суфиев, что обворожённый халиф просил простить его, отпустил его на волю с почётом, вернуться на родину в Египет.

Жельвь* и утки

Помню — в затоне, где чистая отражена как зеркало вода, а на вкус как источник жизни, напоминает родник — живую воду, жили две утки и желвь. Жили они по соседству в дружбе, как в одном доме, мирно.

*Приятна жизнь в кругу друзей,
Мгновение — об руку с любимым другом.*

Но вдруг судьба, её жестокая десница стала бить по ногтю их устоя. И в зеркале завтрашнего дня отразилась разлука.

*Где такое наслаждение, которое не нарушила б судьба?
Приятно вино из чаши с друзьями,
Но приходит потом горечь похмелья, разлука.*

Вода, основа их жизни и источник корма, стала убывать и зацвела тиной. Убедившись в опасной перемене, утки решили покинуть родные места.

*Странствовать — нелегкое дело,
Но лучше домашнего гнета.*

С надорванным сердцем, глазами, полными слёз, утки пришли к желви прощаться.

*Разлучница — черный глаз,
Как выразить его злодеяние?*

Жельвь горько зарыдала: «Разлука? Что вы говорите? Как могу жить без верных друзей?»

*Жизнь без тебя называется смерть!
Как пережить мне тяжесть разлуки —
При одной мысли я никну, как плакучая ива.*

* «Жельвь» — старинное название черепахи (прим. А.М.Ремизова).

Говорят утки желви: «И наше сердце разрывается от печали — необходимо расставаться. Но мы не можем жить без воды и вынуждены улететь».

Кто по своему желанию покинет райский сад?

Говорила желвь: «О друзья мои, какая мне жизнь без воды, труднее, чем вам. Не оставляйте меня одну, в безводье, возьмите меня с собой!»

*Ты ведь моя душа, а хочешь улететь?
Что будет с телом без души?*

Говорили утки: «Нам тоже больно без тебя. Где бы нам ни довелось жить на приволье, все думали б только о тебе. Но как быть, — нам по земле ходить неладно, а ты ведь не можешь летать».

Сказала желвь: «Как тут быть, рассудите вы — а мне разбитое сердце разлукой — и ума не приложу». Удивились утки: «О дорогой друг, за все время нашего соседства ты отличалась разумом и силой воли, но согласишься ли ты на нашу затею?» Желвь говорит: «Как могу я не согласиться, раз вы мне желаете добра?»

*Я дал слово быть верным уговору,
Не стану нарушать согласия.*

Прокрякали утки в ответ: «Наш уговор: когда мы тебя возьмём и подыдемся под облака, ты не станешь возражать — и что бы ни говорили люди, не обращай внимания ни на дурное, ни на хорошее». Желвь согласилась: «Я буду послушна вам и наложу печать молчания на мои уста». Принесли утки ветку, желвь вклянулась в ветку, и утки полетели.

Поднявшись высоко, летели они над деревней. Народ высypал смотреть и диву давался. Кричали: «Смотрите, утки несут на ветке желвь. И когда это было видано?» Шумели люди, глазам не верят. Желвь молчит, но скоро чаша её рвения закипела, и воскликнула желвь: «Пусть ослепнет невера».

И только что желвь раскрыла рот, как тотчас упала на землю. И кричали утки...

*Доброжелатели дают совет —
Счастлив тот, кто слушается.
Я желаю тебе добра, но на что тебе совет,
Раз ты, несчастный, не слушаешь меня.*

Халифат и Имамат

Предисловие

По мусульманской доктрине, исповедуемой суннитами, халиф — наместник Аллаха на земле. После упразднения Халифата в Турции Ислам лишён этого главенства.

Шииты не признают халифов и создали свою теорию преемства верховной власти Ислама в лице Али.

Последний Имам — Махди — скрылся, и шииты верят, что он не помер, а в своё время появится на земле.

В 80-х годах прошлого века в английском Судане было восстание, во главе которого стояло лицо, называвшее себя Махдием — «безумный мулла».

Шиитские теории Имамата находятся в исторической связи с понятием о «Саошианте» — Мессии в религии Зороастра (исповедание персов до Ислама — VII век).

Персы, обращенные в Ислам, сохранили многое из своих прежних верований, и правоверные последователи Ислама их считают еретиками.

Первые четыре халифа по выборному началу — обычай бедуинов — были: Абу Бакр (632-634), Омар (634-644), Осман (644-656), Али (656-661).

Раскол вспыхнул после смерти Пророка (632 г.), когда власть перешла к тестю Пророка Абу Бакру вместо Али.

По мнению шиитских богословов, халифом может быть человек без греха и не способный к греховным деяниям. Догмат шиитского вероучения — предвечное сотворение Али.

Пророк говорит, по словам шиитов:

«Всевышний сотворил Меня, Али, Фатиму, Хасана и Хусейна до сотворения Адама, когда ещё не было ни небес, ни земли, ни света, ни тьмы, ни солнца, ни месяца, ни рая, ни суда».

После смерти Омара (убит) халифат предложен был Алию с условием признать Коран и предание согласно толкованию суннитов.

Али́й не согласился, халифом был избран Осман, убит в 35-м году (хиджры), на халифский престол вступил Али.

После Али — избран его сын Хасан, но Хасан отказался, и халифом сделался полководец Муавийя. После смерти Муавийи стал халифом его сын Йазид.

Шииты признают Имамами 12 лиц: Али, Хасана, Хусейна, Али Зейн-уль-Абидина, Мухаммеда Бакира, Джафара Садэга, Мусу Казима, Али Риза, Мухаммеда Таки, Али Наки, Хасана Аскери и Мохаммеда Махди.

«У шиитов месяц мухаррем — первые десять дней посвящены памяти Имама Хусейна и его семьи, погибших в Кербеле, в сражении с войском Йазидом (в 61-м году хиджры).

На всех больших улицах воздвигаются чёрные палатки, в которых особые чтецы (рузеханы) рассказывают в трогательных словах историю, разыгравшуюся в Кербеле. Кроме того, в специальных зданиях, так называемых «тэкье», ежедневно разыгрываются на ту же тему мистерии «тазийе», что значит «оплакивание».

Когда на сцене идет печальная драма, рыдания слышатся со всех сторон, зрители бьют себя в грудь и рвут на себе одежды».

Имамы

Джафар Садэг (700-765)

Джафар-ибн-Мохаммед — шестой Имам у шиитов. Шииты считают Али первым преемником Пророка (632 г.), все же другие халифы — узурпаторы.

Одиннадцать потомков Али называются Имамами. Одиннадцатый, последний — Мохаммед Махди, по преданию, не умер, а скрылся в конце VIII века (в 260 г. хиджры) под Багдадом. Шииты верят, что Мохаммед Махди жив и в свой срок явится предъявить права на верховное главенство в мусульманском мире.

Джафар Садэг («Правдивый») — шестой из одиннадцати Имамов. По числу 12 шииты — «двунадесятники» (12 — считая первым Али, остальных 11).

Джафар Садэг — из семьи Пророка и унаследовал знание и достоинство своего деда Али. Шииты называют Али — «князь правоверных».

1. Садэг («Правдивый»)

Джафар Садэг — «хранитель тайн Аллаха». Единственный из потомков Пророка он понимал сокровенное Ислама, и никто из современников — богословов и учёных — не был способен усвоить от него тайны.

— Вот где, — Джафар указал на свою грудь, — хранится знание, и как хотел бы я найти, кто мог бы принять сокровище.

Слышали однажды, как Джафар Садэг сказал:

— О сын мой, старайся уяснить тайное знание. Оно много плодотворнее, нежели ты думаешь. О сын мой, знакомясь с поверхностным учением и пренебрегая постижением внутреннего смысла, ты, сам того не зная, потеряешь свою жизнь. Знай, однако, тайный смысл — дар Бога, а не приобретение. Аллах дарует тому, кто всем сердцем стремится.

2. Халиф Мансур

Джафар Садэг был главою магометанских тайновидцев. Ему все верили и считались с его мнением. Не было равного ему в толковании символов и тайн Корана. Его современники получали от него знания, вдохновлялись. Он не вмешивался в политику, но халифы не доверяли ему: происхождение из рода Пророка давало ему право на главенство среди правоверных — звание халифа. У народа Джафар Садэг пользовался большим почётом.

Халиф Мансур приказал своему визирю привести Садэга, решив его погубить.

«Джафар Садэг отрёкся от мира, — сказал смущенный визирь, — находится в уединении, вдали от людей, и живёт только молитвами Аллаху».

Но Халиф не слушал, настаивал на своём решении. И визирь пошёл за Джафаром.

Лишь только визирь удалился, халиф приказал слугам убить Джафара: «Когда при появлении Садэга я прикоснусь к моей чалме».

А когда визирь появился, ведя за собой Садэга, Мансур вдруг поднялся, приблизился к Джафару и просит занять место на троне. Сам же опустился на землю у трона и просит Садэга открыть ему его желание.

Садэг сказал: «Хотел бы я, чтобы ты не звал меня, и я спокойно мог бы служить моему Господу Богу».

Мансур приказал отвести Джафара обратно домой.

Когда халиф остался один, визирь спросил его:

— Что случилось, ты изменил своё решение?

— Когда Джафар вошёл, — сказал Мансур, — моим глазам предстало видение: около Джафара появился дракон, грозя поглотить меня с моим тронном. Страх вывернул меня, и я потерял голову, не зная, что делать. Я поднялся и попросил занять моё место.

3. Рабы

Джафар Садэг призвал своих рабов:

— Обещаем друг другу, — сказал он, — кто из нас в день Последнего Суда будет спасен, пусть поможет другим.

— Потомок Пророка, тебе ли нуждаться в нашей помощи? Твой дед в первый же день явится спасти весь мир.

— Я стыжусь моих поступков, — возразил Садэг, — и не посмею взглянуть в глаза моего деда.

Так слуги Божьи обращались со своими рабами.

4. Ожоги

Один из рабов Садэга принёс после вечера горячей воды для омовения рук. Вода была так горяча — Садэг ошпарил пальцы и, содрогнувшись, отдернул руку.

Раб от смущения содрогнулся не менее Садэга и, не зная, чем выразить свою вину и испросить прощение, он произнёс стих из Корана:

Аллах любит тех, кто сдерживает свою злобу,

И тех, кто прощает людям,

И тех, кто выражает великодушие.

На каждую строку Садэг ответил:

— Я не чувствую никакой злобы.

— Прощаю тебя.

— Отпускаю тебя на волю.

И возблагодарил Садэг Бога:

— Какие пустяки — обжёгся! — пробудили великодушие.

5. Гордость

Сказали однажды Садэгу:

— Ты награжден всеми добродетелями и полон величия, ты свет очей в роду Пророка. Но ты уж очень горд.

Отвечал Садэг:

— Я совсем не горд. Это гордость Аллаха: Аллах занял место моей гордости, которую я победил в себе.

6. Мудрец

— Кто есть мудрец? — спросил Садэг учёнейшего богослова Абу Ханифу.

Абу Ханифа сказал:

— Тот мудр, кто умеет отличать доброе от злого.

— Какая же это мудрость? — заметил Садэг. — Эта способность есть и у животных.

— Так кто же, по-твоему, самый мудрый?

Садэг ответил:

— Тот мудр, кто может различить два добра и два зла и выберет лучшее добро из двух и меньшее из двух зол.

7. Дар

Какой-то потерял на дороге сумку, а в ней деньги.

— Не иначе как Садэг присвоил, — утверждал потерявший сумку; лично он не знал Садэга, а только по слухам — бродячий.

Садэг спросил его:

— А сколько было в сумке?

— Тысяча драхм.

Садэг привёл к себе потерявшего и дал ему тысячу драхм.

Спустя несколько дней обвинявший Садэга нашёл свои деньги и принёс Садэгу:

— Возьмите ваши, я нашёл сумку.

Садэг сказал:

— Мы, сыны из рода Пророка, не берём обратно, что однажды дали.

8. Бедняк и богач

Садэга спросили:

— Кто, по его мнению, лучше: терпеливый бедняк или благодарный богач?

Садэг ответил:

— Терпеливый бедняк лучше: сердце богача льнёт к кошельку, а сердце бедняка — к Богу.

9. От слов Садэга

— Мои внутренние глаза раскрываются, когда меня обличают.

— Не советую тебе водиться: Избегай лгуна — правды не найдёшь, всегда будешь обманут; Тоже и гордый человек, в решительный час тебя покинет; Не лучше и дурак: «Услужливый дурак опаснее врага»; Не очень-то полагайся на легкомысленного — оставить в нужде такому ничего не стоит; Бессовестность — в грош не поставит ни посул, ни слово, продаст;

— Тот грех, что начинается со страха и кончается прощением, приближает человека к Богу.

Спросили Имама:

— Как может Имам, потомок Мухаммеда, судить о мирских делах, не принимая участия в жизни?

Садэг ответил:

— Богом дано Пророку пять душ: Животная душа — ею Он движется; Сердечная душа — с нею Он обладает устремлением и способен на борьбу; Душа страждущая, по воле которой Он живет: алчет и жаждет; Душа верующая, она помогает убеждать и направлять; Душа святая, с ней Он выполняет пророческое призвание. После смерти первые четыре пропадают или растворяются. А святая душа не может ни пропасть, ни раствориться, и лишена честолюбия, и переходит на Имама. И Имам, подобно Пророку, даёт во всём отчёт.

Бишр Хафи

Бишр Хафи родился в Мервском оазисе в 767 году, жил в Багдаде. Жизнь его была не совсем так — завсегдатай багдадских кабаков.

Обращение его к Аллаху совершилось в кабацком угаре. Пропив сапоги, босой, не помня себя, кренделил он беспутно домой. На всю жизнь в память своего чудесного обращения решил остаться босоногим.

1. Обращение

Было дело так: поздно вечером, вдребезги пьяный, идет он и видит на дороге лоскуток бумаги, поднял грамотку и читает:

— Б-исми-ляхи-ар-рахман, ар-рахим — «Во имя Аллаха милосердного, милосердного...» (такими словами начинаются все главы Корана).

Бишр достал пузырёк духов, окропил находку и с благоговением, как святыню, понёс домой.

И в ту же ночь одному благочестивому человеку приснился сон; слышит голос: «Ступай к Бишру и скажи слова Корана», — повторил написанное на лоскутке:

«... Ты очистил наше имя, так и мы очищаем тебя; Ты превознёс наше имя, так и мы превознесём твоё; Ты сделал наше имя благоуханным, так и мы сделаем тебя».

Человек проснулся и задумался: «Что-то неладно. Бишр — беспутный, пьяница, сон не о нём, так ли я понял?»

Поднялся, совершил омовение, проговорил молитву и снова неожиданно заснул. И снится ему тот же сон. И в третий раз тоже.

Когда настал день, человек пошёл искать Бишра. В одном из кабаков он наткнулся на пьянчужку: Бишр валялся под скамейкой мертвецки пьяный.

— Оставь его, какой может быть разговор, посмотри, пьян, как стелька, мычит.

Но человек просит кабатчика:

— Скажи ему, есть до него важное слово.

— Чьё слово? — пролепетал Бишр.

И был поражен, узнав: слово Божье.

Тотчас поднялся и, обратившись к собутельникам, твёрдо сказал: «Други мои, я призван и должен уйти. Никогда больше вы здесь не увидите меня!»

Так и было. Раскаяние очистило душу, и он достиг благочестия.

2. Ахмед Ханбал

Для Бишра весь мир казался озарён сиянием Аллаха. Ахмед Ханбал, первый из учёных богословов и юристов, часто посещал Бишра и испытывал его в Боге.

Ученикам Ахмеда было вдвину, как это возможно: Ахмед, первый в науке Ислама, советуется с безграмотным.

Ахмед отвечал:

— Да, я в науке — минарет, но в познании Бога Бишр превосходит.

3. Бесподобный

Бессмертный пророк Эльяс (Илия)-аль-Хидр (Зеленый), когда его спросили, кем он считает богослова Шафия, ответил:

— Шафий — один из столпов Ислама.

— А Ахмед Ханбал?

— Ахмед Ханбал — один из знающих правду.

— А Бишр Хафи?

— Бишр Хафи — ему нет подобного.

4. Победенное желание

Бишра упрекали: «Ты знаешь много изречений Мухаммеда, почему же ты таишь их?»

— В моём сердце сильное желание сообщить вам, и я не могу победить это желание. Но я возведу вам о них, как только превозмогу, — ответил Бишр.

5. Образец поведения

Говорили Бишру:

— Багдад погряз в мирской суете, и всё, чем питаются багдадские жители, собрано и создано несправедливо и бесчестно, как же ты этим питаешься?

Бишр сказал:

— Я ем то же, что и вы, пью то же, что и вы.

— А скажи: благодаря каким добродетелям ты достиг своего состояния?

Бишр ответил:

— Откусывая куски меньше ваших, протягивая руку короче вашей.

Понято было так: довольствоваться малым, воздерживаться и быть честным.

6. Ответы

Его тянуло на мясное, но денег у него никогда не водилось, и он невольно воздерживался. Однажды зимой его застали: сидит в комнате голый и дрожит.

— Зачем же ты сам себя мучаешь?

— Я думал о бедных людях, — отвечал Бишр, — которые страдают от холода, и у меня нет ничего, чтобы помочь им. Вот я снял одежду, мерзну, чтобы, имея их мысли, равняться с ними.

— Почему ты не порицаешь великих мира сего, виноватых в стольких жестокостях?

Бишр ответил:

— Имя Аллаха я ставлю слишком высоко, чтобы произносить его перед теми, кто Его не хочет знать.

7. Чудесный коврик

Рассказывает Ахмед-ибн-Ибрагим:

— Бишр поручил мне пойти к Маруфу, живёт на том берегу Тигра, и сказать, что придёт к нему после молитвы. Я исполнил поручение, но Бишр так запоздал — не было лодок для переправы. Очень меня забеспокоило: был поздний вечер. И вижу, наконец-то, Бишр появился и, не видя лодок, кинул свой молитвенный коврик на воду и так переправился на другой берег. До утренней зари Бишр оставался с Маруфом и таким же путем, на коврике, вернулся. Я бросился к его ногам, прося помолиться обо мне. Бишр помолился и просил меня не говорить об его тайне. До самой его кончины — я молчал.

8. Паломничество

Пришёл к Бишру один человек, просит совета: у него две тысячи серебра, и он хочет совершить паломничество в Мекку.

Бишр сказал:

— Если ты затеял паломничеством ублажить Господа, ступай и уплати долг должника, или дай деньги неустроенному, или тому, у кого на руках большая семья. Один такой поступок, которым ты порадуешь чьё-нибудь сердце, несравненно выше всяких паломничеств.

9. Доброта

Незадолго до смерти Бишра пришёл к нему человек и жаловался на свою нужду. Бишр снял с себя рубашку и подал человеку. Лёг, прикрылся тряпьем и помер.

После его смерти видели его во сне, спрашивали:

— Как поступил с тобою Бог?

— Бог укорял: «Чего, — говорит, — ты, несчастный Бишр, всю жизнь боялся Меня? Разве ты не знал, что доброта — одно из моих качеств?»

10. Изречения

Из изречений Бишра:

— Странствуйте постоянно: вода, что течёт, остаётся свежей, чистой и прозрачной;

— Кто стремится, чтобы люди почитали его, тот не знает благодати божественной любви;

— Три поступка самые трудные: быть щедрым, испытывая нужду; обладая властью, воздерживаться; говорить прямо перед тем, кто внушает страх;

— Пока твой враг тебя боится, ты не достигнул совершенства.

<1955—1957>

Публикация Н.Ю.Грякаловой

От редакции

Материал поступил в редакцию в 1993 году. Публикуемый журнальный вариант отличается от книжного. (См.: Ремизов А. Павлиным пером. СПб: Logos, 1994). Текст А.М.Ремизова «Суфийная мудрость» — исправлен по рукописи. «Объяснительное слово...» В.П.Никитина приведено полностью, без сокращений.